

ОТВЕТ ПСИХОЛОГА ФИЗИОЛОГАМ («РАБОТА ПО ПСИХОЛОГИИ» Г.Г. ШПЕТА)

В.П. ЗИНЧЕНКО

Анализируется «Работа по психологии» Г.Г. Шпета, написанная в 1907 г. и впервые изданная в 2006 г. В ней Г.Г. Шпет детально рассматривает исследования многих физиологических психологов и показывает неосновательность их претензий на объяснение психологических актов внимания, памяти, произвольных действий. Автор статьи на ряде примеров показывает, что критика Г.Г. Шпета относится и к современным исследованиям в области физиологической психологии и нейронауки. Независимо от имеющейся в работе критики она представляет и самостоятельную ценность. В ней содержится интересная трактовка предмета, методов психологии, ее философско-логических корней, культуры междисциплинарных связей.

Ключевые слова: психология, физиологическая психология, нейронаука, сознание, внимание, произвольное действие.

В 1907 г. Г.Г. Шпет по приглашению своего учителя Г.И. Челпанова переехал из Киева в Москву и начал работать в Московском университете. Этим же годом помечена его рукопись с неприятно-безразличным названием «Работа по психологии», которая до ее первого издания в 2006 г. находилась в домашнем, а затем в Государственном архиве. Для России подобные интервалы в порядке вещей. А.И. Герцен в свое время говорил, что у нас целые десятилетия отделяют посея от жатвы. На мой взгляд, время этой небольшой книги Г.Г. Шпета, включенной в том его «Избранных психолого-педагогических трудов», не прошло. За истекшие сто лет ее актуальность стократно возросла, что, к сожалению, пока остается незамеченным. Я вижу свою задачу в том, чтобы привлечь к ней внимание психологов, которые еще не загипнотизированы обманчивыми обещаниями физиологической психологии и нейронауки объяснить *все* явления душевной и сознательной жизни. Психологов должен был бы насторожить солидный возраст таких обещаний: первая работа Ф. Хагена по физиологической психологии вышла в 1847 г. Но дело, конечно, не в возрасте; есть проблемы, для решения которых тре-

буются многие столетия. Дело, как показывает Г.Г. Шпет, в логической несостоятельности физиологической психологии (не путать с психофизической, психофизиологией и с физиологией нервной системы и мозга) и, как следствие, в ее научной несостоятельности. Нельзя одну тайну, например тайну души, сознания, объяснять с помощью другой тайны — тайны мозга, что происходит на всем протяжении существования физиологической психологии: «Логика, наука наук, определенно требует одного, чтобы качественные различия не сводились одно к другому. Психическое имеет такую же ценность для науки, с точки зрения логики, как и физиологическое. Психическое столь же реально, как и физиологическое. Не мешало бы это знать тому, кто берется говорить о науке. Одно средство для физиологов реабилитировать себя — опровергнуть логику, — лучший способ для этого, конечно, отказаться от нее. Но тогда нечего обращаться к людям, принимающим логику, ибо нельзя отвергать авторитет и в то же время опираться на него» [6; 191].

Г.Г. Шпет, обосновывая положение о реальности психического, выделяет следующие существенные и необходимые признаки души и душевных явлений.

- Душевные явления совершаются во времени — первое определение в психологии.

- Душевные явления даны нам непосредственно — второе определение в психологии.

- Душевные явления субъективны, т.е. непосредственно доступны только самому переживающему, — третье определение в психологии.

- Основная аксиома и основной постулат психологии гласит: *душа и душевные явления активны*.

Далее Г.Г. Шпет поясняет: определяющий признак всех жизненных явлений — активность, отличительная особенность психики — спонтанность, самостоятельность, т.е. активность, исходящая от самой души. Это не означает отсутствия закономерности произвольного акта, руководимого сознательной целью. Установить характер этой закономерности, а затем и форму ее — в этом задача объяснительной психологии. Для физиологической психологии сознание и произвольное действие — это *sux experimentis*, с помощью которого должен быть физиологически объяснен основной признак психической деятельности — самочинность [6; 203].

Г.Г. Шпет не противопоставляет дух природе, а включает его в природу и признает душевные явления такими же естественными явлениями, как и остальные в природе — явления материи, жизни и т.д. Он заключает: *психология — наука естественная*, ее ближайшая задача, как и всех естественных наук, — *описание*. Г.Г. Шпет сразу же очерчивает предмет ее описания и исследования: «Частными понятиями, подчиненными общему понятию души, будут душевные явления: мышление, чувства, волевые акты, еще более частные: представление, гнев, страх, внимание и т.д. Понятием противоположным по отношению к понятию души является понятие тела» [6; 157]. Физиологическая психология берется объяснить душевные явления не только качественно неоднородными, но и противоположными им телесными явлениями.

родными, но и противоположными им телесными явлениями.

Коренная ошибка физиологической психологии начинается (начинается, а не состоит) с признания того, что наличие души можно констатировать только в живом организме. Это прямое отрицание психологии — душа известна непосредственно, а не через изучение организма, душа дана субъективно, а не через предметное изучение живого и мертвого. После объявления души явлением жизни и «размещения» ее в живом организме дальнейшее становится само собой разумеющимся. Живой организм изучается объективно, изучается посредством органов чувств — какие органы чувств открыли в организме душу? Ее видели, слышали, осязали пальцами или под ланцетом? Явная нелепость. Единственный выход из этого положения — отрицать самую душу. Ведь можно приступить к изучению какого-либо объекта, убедиться, что имеешь дело с фикцией, и отбросить его. Так иные и поступают, отрицая душу и ставя на ее место мозговую нервную систему вообще. К сожалению, не все можно отрицать. Например, отрицать достаточное основание для самого отрицания уж никак нельзя [6; 165].

Увы, оказалось, что можно. «Выбрасывая понятие души, физиологистам неудобно изучать природу с одной из возможных точек зрения. Их дело. Наука от этого не исчезнет, как не исчезла бы физиология, если бы какому-нибудь психологу, усвоившему логические рассуждения физиологистов, угодно было бы изучать физиологические явления как непространственные, субъективно и непосредственно данные. Мы принимаем мир, все, как целое, как единое. Для целей изучения абстрагируем то одну часть целого, то другую, с различных сторон подходя к нему, надеемся когда-нибудь создать и образ целого, физиологический Коран полагает иначе. Дело веры...» [Там же]. Как говорится, лиха беда начало. Вторгшись без спроса в психологию (а то и по

приглашению самих психологов), физиологисты в своем собственном самосознании облагодетельствовали нашу науку, освободив ее от метафизики. Они взяли на себя обязательство объяснить каждое психологическое явление физиологически: «Идеал науки физиологической психологии: представить всю жизнь духа, как жизнь организма. Ничего нового. Ничего, с чем сталкивалась бы наука о жизни, не может быть в науке о духе. Физиология есть родовое понятие по отношению к психологии. Психология — подлежащее, физиология — сказуемое. Психология есть физиология» [6; 142]. Так душа, сознание, психика оказались в сознании физиологических психологов функцией мозга, что равносильно их отрицанию. Затем это не столько убийственное, сколько нелепое положение перешло и в сознание многих психологов. Хвост по-прежнему силится управлять собакой, но мозг, как был, так и остается лишь органом души, сознания и психики.

На протяжении всей работы Г.Г. Шпет показывает неадекватность и чрезмерность стремления свести всю психологию к физиологии и камня на камне не оставляет от аргументации физиологистов. Эту работу автор проделывает в высшей степени скрупулезно и последовательно, рассматривая физиологические объяснения механизмов сознания, произвольного акта, внимания, памяти, мышления. Демонстрируя беспомощность физиологической психологии в объяснении сознания, Г.Г. Шпет напоминает, что представляет сознание для самонаблюдения. Он говорит о двояком значении слова «сознание»: один раз оно будет обозначать процесс, связанный с деятельностью нашего «я», его переживания и проявления; другой раз сознание — обозначенный материал душевных переживаний, накопленный как результат названной деятельности. Физиологическая психология ограничивает сознание только тем, что ему является, оставляя без внимания его собственную деятельность.

Это, кстати, характерно и для современной нейронауки, пытающейся физиологически объяснить сознание, до скудости суживая его психологическое и житейское понимание. Само объяснение З. Экснер, например, видит в том, чтобы свести многообразию данного нам в сознании к количественным отношениям и к различию центральных связей в сущности однородных нервов и центров. Г.Г. Шпет приводит образцы объяснения, в которых переплетены физиологическая и психологическая терминологии. Объяснение начинается с данных самонаблюдения и ими же заканчивается. «Все накопление физиологических слов и фраз не превратило сознание в функцию центрального органа, скорее, наоборот, показало, что это сознание вне его» [6; 202].

Аналогичное происходит и с объяснением произвольных актов: «Волевой, произвольный акт — типический пример спонтанности, самочинности психического процесса. Психическая причинность или творчество получает решение также в зависимости от того или иного решения вопроса о природе произвольной деятельности», — пишет Г.Г. Шпет [6; 203]. Когда у З. Экснера не получается выведение «волевого импульса» из деятельности центров, он подменяет вопрос о «природе самой воли» психологически беспомощными рассуждениями о «причинном хотении». Но ведь «хочу» — одно, «могу» — другое.

У читателя может возникнуть законный вопрос: но ведь за сто лет физиологическая психология изменилась, выросла, преодолела свою детскую болезнь, зачем же вспоминать старое? Наивные иллюзии. Физиологическая психология бережно сохраняет свою родовую травму. Поэтому-то я так подробно излагаю суждения о ней Г.Г. Шпета.

Обращусь к современному автору: «...психология — это особый класс физиологических процессов, в которых воплощено знание живого существа о мире и о самом себе...» [5; 29]. Н.И. Чуприкова

подчеркивает, что психика — это не все процессы нервной системы, и, ссылаясь на статью Е.Н. Соколова [4], говорит, что не все нейроны генерируют акты сознания. Спасибо и на том: если бы все нейроны были генераторами актов сознания, то это уже была бы не полифония сознания, по М.М. Бахтину, а какофония. (Впрочем, последняя бывает и не по вине нейронов.) Не могу удержаться, чтобы не вспомнить поклонника Бахуса, который, узнав от своего образованного психотерапевта, что рюмка водки убивает 10 тысяч нейронов сознания, обрадовался: чем меньше нейронов, тем легче ими управлять. Удивительно, что в мозгу нашли только «гештальтпирамиды» и не нашли вертикали управления с гомункулюсом на вершине, командующим нейронами сознания. Его работа была бы еще более эффективна, если бы последние вообще исчезли, а остались только бессознательные. Со своей стороны, могу обрадовать ищущих нейроны сознания. У них были предшественники. Г.Г. Шпет пишет, что он испытывает какое-то «неприятное чувство», сопровождающее «объяснение» слепообразования в памяти, которое выдвинул Ш. Рише: всякое раздражение оставляет след, но, оказывается, есть громадная разница между *мозговой* нервной системой и *психической* нервной системой. Итак, существует еще одна нервная система. Чем отличается она от «мозговой»? Тем, что ее реакции еще продолжительнее, они так продолжительны, что следы раздражений никогда не исчезают. «Нервная *психическая* клеточка, — цитирует Г.Г. Шпет Ш. Роше, — не возвращается, таким образом, никогда к своему примитивному состоянию, она *всегда* изменяется *навсегда*». «Психическая клеточка», — комментирует Г.Г. Шпет, — чем это хуже души, улетающей из человеческого организма в виде пара? Это только не так красиво и больше ничего» [6; 218—219]. По поводу «всегда навсегда» он говорит, что для психологии, для объяснения памяти просто навсегда отрезан путь.

Тем не менее подобные фантазии оживают, например, в проектах создания (по примеру все той же психологии) когнитивной или даже культурно-исторической физиологии или нейронауки в целом. (Конечно, не может быть возражений против того, чтобы представители нейронауки стали более «когнитивными», сознательными, психологически грамотными.)

Нужно сказать, что психологи и сами перестарались в своем стремлении к объективности своей науки, что вызвало язвительные замечания, вроде того: раньше психология была наукой о душе, а теперь это наука о ее отсутствии. И все же психологи не отбросили слова «психология», «психика», не отрицали и не отрицают наличия психических явлений. Психологи продолжают описывать и изучать последние, правда, стыдливо умалчивая, что психические явления, события — это синонимы душевных явлений и событий. Физиологические психологи пошли дальше. Вместе с душой они отрицают и психику, и психические явления, например внимание. Н.И. Чуприкова заявляет: «Внимание — это необходимое физиологическое условие осуществления психической отражательной деятельности мозга. <...> ...если внимание можно назвать процессом, то это процесс *не психический, а физиологический*. *Внимание не имеет собственного психологического продукта...*» [5; 27]. Внимание — мать гения, сказал Новалис. Разве этого мало? Если в определении Н.И. Чуприковой поставить на место внимания память, то и она составит всего лишь физиологическое условие... Ведь «*Память Муз — всего причина*» (Вяч. Вс. Иванов). Я уже не говорю о «психической отражательной деятельности мозга». Кто только не говорил, что воспринимает, внимает, запоминает, мыслит, чувствует не мозг, а человек!

Нужно отдать должное Н.И. Чуприковой. Она скрупулезно подобрала многие определения внимания и характеристики его функций. Обнаружив их

многочисленность и противоречивость, она вместо того чтобы поблагодарить Ю.Б. Дормашева, В.Я. Романова и М.В. Фаликман, превосходно представивших давние и новейшие исследования внимания, игнорировала эти исследования. Ведь физиологическая психология берет на себя задачу не описания, а объяснения. Для нее богатейшая феноменология того или иного психического акта всего лишь помеха, досадное недоразумение. Вместо того чтобы признать бессилие своих объяснительных средств и методов, лучше всего пренебречь психологическими описаниями, которые действительно далеки от однозначности. Н.И. Чуприкова так и поступила и предложила собственное определение внимания: «Вниманием в широком смысле слова можно назвать функцию активирующей подсистемы функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности, состоящую в активации и трофико-энергетическом обеспечении специфических процессов анализа и синтеза сигналов в ее познавательных подсистемах и в подсистеме восприятия речи» [5; 24]. Я почему-то до сих пор думал, что наше внимание направлено в мир, на худой конец, на самих себя, а не на самообслуживание нервной системы. Игнорирование описаний (я уже не говорю о психологическом объяснении) внимания не прошло безнаказанно. Автор дал определение психологически пустого понятия. Еще печальнее, что оно и жизненно пусто. Ни академическому, ни практическому психологу с ним просто нечего делать.

Психология так поступать не может. Она вынуждена мириться с противоречивостью, неоднозначностью, неопределенностью, постоянно наблюдаемой и фиксируемой в жизни душевных явлений. Не только мириться, но и устанавливать их законы. Примером может быть закон Э.Г. Вебера, получивший в психологии название закона относительности. Г.Г. Шпет говорит, что в конце концов

возникает вопрос о всеобщем в психологии значении закона относительности [6; 183]. Напомню, что это написано в 1907 г. Основанием такого закона служит, казалось бы, простая, а на самом деле чудовищно сложная для понимания и исследования вещь: не только я в мире, но и мир во мне, в моем сознании они даны оба. Такая сложность стоит того, чтобы, преодолевая ее, стать автором собственной жизни, свободно строить свое поведение и деятельность. Нужно понять, что судьба человека определяется не вероятностями, с которыми ничего не сделаешь, а превратностями, с которыми есть шансы справиться. Соответственно, и психология должна стать толерантной к неопределенности, к судьбе, к случаю, перестать преследовать ложную цель преодоления произвола, субъективности. Дело даже не в старом философском тезисе «нет субъекта без объекта и нет объекта без субъекта», а в относительности различия объективного и субъективного. В каждом акте человеческой деятельности присутствуют субъективация объективного и объективация субъективного, что признают не только философы и психологи. Физиолог А.А. Ухтомский имел свои резоны говорить, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное.

Вернемся к «трофико-энергетическому обеспечению», к которому Н.И. Чуприкова сводит сущность внимания. Идея не слишком свежая. Г.Г. Шпет подробно анализирует взгляды З. Экснера, согласно которым сущность внимания сводится к известному облегчению двигательного или познавательного процесса, облегчению, вызываемому взаимодействием различных частей нервной системы. Облегчение З. Экснер сопоставляет с другим объяснительным термином — задержкой, т.е. торможением. Г.Г. Шпет замечает, что для доказательства существования задержки З. Экснер приводит *психологический* факт, а именно *внимание*: «...получается обычный *petito principii* — для физиологи-

ческого объяснения внимания понадобилось выяснить понятие задержки, далее пришлось прибегнуть для выяснения задержки к вниманию...» [6; 209]; «Мало и этого, ведь с *первых слов* Экснер допускает <существование> психологического понятия, не давая его психологического объяснения. В самом деле, Экснер начинает свое определение внимания с того, что “*посредством волевого акта* в нашей нервной системе вызывается изменение и т.п.” <...> Может быть, все физиологические гипотезы о задержке, облегчении, их взаимодействии, вообще обо всем механизме нервной системы — безусловная истина. Разве основные (понятия. — В.З.): волевой характер внимания и “волевой акт, вызывающий изменение”, от этого стали яснее? Стало только ясно, что все гипотезы Экснера построены напрасно. В психологии они внимания не объясняют» [6; 210].

Столь же безжалостен Г.Г. Шпет и к Т. Мейнерту, на которого сочувственно ссылается Н.И. Чуприкова. Т. Мейнерт исходит из теории Г.Т. Фехнера, по которой в возбуждении мозга и его питании всегда чередуются состояния бодрствования и сна. Задача Т. Мейнерта состоит в том, чтобы найти физиологические причины большего возбуждения мозга в различных его частях. Он «допускает» изолированность функциональной гиперемии и считает ее объясненной, если признать за возбужденными элементами способность «питательного притяжения». Справедливости ради нужно сказать, что Н.И. Чуприкова ссылается на Н.Н. Ланге, утверждавшего, что нутритивное притяжение — это гипотеза Т. Мейнерта, которая нуждается в доказательстве. Однако Г.Г. Шпет приводит более суровую оценку Н.Н. Ланге: это не столько физиологическая гипотеза, сколько психологический факт, выраженный в физиологических терминах [6; 212]. Шпет показывает далее, что то же происходит и с другими гипотезами Т. Мейнерта, в которых вместо физиоло-

гического объяснения он обращается к психологическому факту. Например, ассоциационные процессы оказывают задерживающее влияние на сужение сосудов, что вполне правдоподобно. В начале 50-х гг. XX в. М.И. Лисина доказала экспериментально возможность произвольного управления сосудистыми реакциями. Для этого ее испытуемые должны были выделить с помощью *внимания* свои сосудистые реакции, сделать их ощущаемыми, а потом уже и управляемыми. Однако, вопреки очевидности, физиологические психологи настаивают на приоритете трофики.

Подобные гипотезы, на которые щедро физиологическая психология, говорят лишь об условиях психической жизни, но не о ней самой: «Жизнь растения обуславливается, между прочим, почвой; как бы посмотрел ботаник на человека, с серьезным видом заявляющего ему, что нет жизни растений, есть только питательные функции почвы? Но ни один физиолог не может игнорировать значение почвы для жизни растения. Так точно нельзя игнорировать и знание физиологии для психологии. Знание физиологии не только облегчает психологический эксперимент и дает возможность для так называемого наблюдения там, где связь физиологических процессов с психическими установлена, но служит часто хорошим вспомогательным средством и при самонаблюдении» [6; 191—192]. Г.Г. Шпет высоко оценивает значение физиологических объяснений явлений слуха, которые дали Г. Гельмгольц и В. Гензен, но при этом говорит, что они никогда не заменят объяснения психологического. Интересно бы установить непосредственную связь «нервной трофики» с феноменами перцептивного голода, насыщения, пресыщения. Как объяснить голод мысли и духовную жажду? Не думаю, что с помощью энергетической подпитки мозга можно стимулировать или купировать подобные явления. Между прочим, по

данным эмбриогенеза, глаза и уши выполняют амниотрофную функцию питания, в том числе и созревающей нервной системы. Через них всасываются питательные вещества из околоплодной жидкости. В более зрелом возрасте они продолжают эту работу благодаря эйдетической энергии, энергии слова. Они же вместе с мышлением производят и энергию заблуждения.

Н.И. Чуприкова настолько увлечена проблематикой неспецифических влияний (мозговая гиперемия, нутритивная аттракция и т.п.), что достаточно скептически оценивает вполне «специфическую» моторную теорию внимания Н.Н. Ланге. Г.Г. Шпет, напротив, высоко оценивает его идеи о том, что чувство усилия, которое не объясняют физиологические теории, объяснимо в предположении моторного элемента в акте внимания. Н.Н. Ланге категоричен: если это движение будет толковаться как механический процесс, задача все равно бесплодна, если как психологический — то при чем здесь физиологическое объяснение? 40 лет тому назад мы с Н.Ю. Вергилесом нашли, что малоамплитудные движения глаз, регистрировавшиеся при восприятии изображений, стабилизированных относительно сетчатки, индуцируют изменение чувствительности, т.е. порождают функциональную фовеа. Благодаря этому испытуемые могут успешно решать задачи на восприятие и внимание при работе с изображениями, далеко выходящими за пределы анатомической fovea centralis. Движения глаз, таким образом, усиливают чувствительность участков сетчатки, находящихся под релевантными задачам испытуемого участками стабилизированного изображения [3]. Если угодно, функциональную фовеа можно назвать павловским «светлым пятном сознания», движущимся по сетчатке. На самом деле это функциональный орган (в смысле А.А. Ухтомского), срочно построенный для решения перцептивной задачи. Обнаружив (точнее, построив) этот орган, мы

даже не вспомнили о метафоре «светлых пятен», по неясным причинам блуждающих по коре мозга.

Н.И. Чуприкова соглашается с данным Н.Н. Ланге определением внимания как целесообразной реакции организма, мгновенно улучшающей условия восприятия, но упрекает автора, что он не уточняет и не конкретизирует природу данной реакции организма. Допустим, что это так. Но ведь ее уточнил и конкретизировал в учении о доминанте А.А. Ухтомский, рассматривавший внимание как род условно-отраженного действия и выдвигавший плодотворные гипотезы о физиологических механизмах осуществления такого действия. Игнорирование Н.И. Чуприковой замечательного учения А.А. Ухтомского, как и учения Н.А. Бернштейна о физиологии активности, названного А.Р. Лурией «психологической физиологией», вселяет надежду, что не вся психология внимания находится в теоретическом тупике. Примечательно, что, вводя психологию внимания в физиологический тупик, Н.И. Чуприкова прибегает к авторитету Л.С. Выготского, который одобрительно отнесся к павловскому штрафу за употребление при изучении высшей нервной деятельности (надо бы добавить — животных) житейских психологических понятий. Я разделяю мнение Л.С. Выготского. Более того, я штрафовал бы физиологических психологов за неумеренное и произвольное употребление ими житейской психологической терминологии, ибо другой они не знают, даже не хотят знать и бравируют тем, что научная им непонятна. Замечу, что запрет И.П. Павлова не распространялся на лексику сотрудников за пределами стен его лабораторий. Да и сам он поздравил Г.И. Челпанова с открытием Психологического института «от всей души», а не от своих условных рефлексов. На одном из заседаний павловских сред И.П. Павлов сказал, что мышление — это не рефлекс. Это другой случай! И не брался за объяснение этого случая.

Справедливости ради нужно сказать, что Н.И. Чуприкова очаровательно непоследовательна. Она сама находит выход из физиологического тупика, показывая, что не трофика порождает внимание, а отрицаемое ею психологическое порождает изменения в трофике. Оказывается, что последние зависят, например, от характера словесных инструкций, даваемых испытуемым. Такая непоследовательность сродни той, которую Г.Г. Шпет обнаруживал в исследованиях и рассуждениях физиологических психологов. Внимание — штука своевольная. Его не удастся инкапсулировать в нервную систему. С внимания начинался интерес самой Н.И. Чуприковой к вниманию, с него же начиналось и исследование ею трофико-энергетического обеспечения психологических актов, которые — я уверен — вызывались все тем же ее вниманием к вниманию.

Вернемся к работе Г.Г. Шпета. Не стану приводить многочисленные примеры логических, методических и фактических противоречий, на которые он обратил внимание, анализируя работы по физиологической психологии. Один из главных ее приемов — подмена. Так, П. Флексиг констатирует наряду с чувственными центрами некоторые «высшие» центры. «Ради понятности» он называет их «духовными». Таким образом психологические понятия переносятся в физиологию и анатомию, создается ряд терминов физиологических и анатомических для обозначения этих психологических понятий, и с новыми кличками понятия возвращаются психологии исправленными и дополненными. То же произошло с «нейронами сознания», когда было обнаружено участие каких-то групп нейронов при совершении элементарных актов опознания отдельных перцептивных категорий. Забыта лишь одна малость: если речь действительно идет о нейроне сознания, то в нем должно содержаться не только знание, но и его Я со своим отношением к знанию.

Впрочем, фантазия физиологических психологов не имеет границ. Появились

нейроны эгоизма, альтруизма, зеркальные нейроны-нарциссы. Если в последних представлено Я, то это физиологически «объясняет» библеровскую «многояйность» и «роистое я» М. Пруста. Не удивлюсь, если в мозг перекочет все гуманитарное знание. По поводу постоянных подмен и подделок Г.Г. Шпет пишет, что они превращают науку «в ее злейшего врага — дилетантизм, выступающий также под именем науки. Это замена вина водой с примесью отравляющих красок» [6; 155]. Подобная подмена произошла и с введением П.К. Анохиным понятия «акцептор результатов действия». Сказать рецептор — банально, а акцептор — ново, свежо. К тому же рецептор — снаружи, а акцептор — внутри мозга. Назвать кошку кошкой, т.е. предвидение — образом будущего, тоже язык не поворачивается, исчезает оригинальность. Ведь еще Ч. Шеррингтон в начале XX в. локализовал элементы памяти и предвидения на завершающих участках действия, а не в нервной системе. Несколько позже А.А. Ухтомский (у которого начинал работать молодой П.К. Анохин) говорил, что в интегральном образе и в мысли представлено будущее. Н.А. Бернштейн говорил, что в образе потребного будущего нам даны *Ist wert* и *Soll wert*. Л.С. Выготский называл такой образ «актуальным будущим полем». И.С. Бериташвили — ученик Н.Е. Введенского — прямо говорил П.К. Анохину, что акцептор действия — это образ и представление, добавляя при этом: «Петр Кузьмич, Вы не нас обманываете, Вы себя обманываете». Действительно странно, ведь акцептор действия, согласно П.К. Анохину, это и «мозговой механизм», и «взгляд в будущее», в которое акцептор, видимо, смотрит сквозь мозговую оболочку, черепную коробку и волосяной покров. Г.Г. Шпет резонно говорил, что у психологии много своих тайн, чтобы ей вводить в свой оборот еще чужие.

Г.Г. Шпет вникал в споры, которые велись между анатомами и физиологами, с одной стороны, и физиологическими пси-

хологами — с другой, и с удовлетворением отмечал, что в своей критике он не одинок. Ссылался он и на книгу своего учителя Г.И. Челпанова «Мозг и душа», следующим образом резюмируя ее содержание: «Физиологическое объяснение и понимание умственной локализации несостоятельно; единственно, что мы могли бы сказать, не боясь нарушить логики, это то, что определенные *психические* процессы совершаются *в то время, когда* в мозгу совершаются те или другие физиологические процессы» [6; 246]. Спустя несколько десятилетий, в 1935 г., Н.А. Бернштейн по-своему подвел итог спора между локализационизмом и антилокализационизмом, которые он сравнил с качанием маятника: «...*чем выше растет морфологическая, локализационная расчлененность мозга, тем интенсивнее растут и предпосылки к развитию в нем нелокализуемых процессов*, и, судя по всему, рост этих предпосылок идет быстрее (как третья или четвертая степень независимой переменной), нежели рост самой морфологической дифференциации» [1; 317].

В отстаивании прав психологии на самостоятельность Г.Г. Шпет весьма решителен: «Химия перестала искать эликсир жизни, астрономия уже не гадала о судьбе царств и людей по звездам, пора и психологии избавиться от физиологических спекуляций: как в телескоп нельзя увидеть на небе судьбы человека, так и в микроскоп нельзя увидеть в мозгу души человеческой. Психология хочет и должна быть наукой о природе, следовательно, наукой естественной, и все попытки превратить ее в науку сверхъестественную должны быть признаны антинаучными. Физиологическая психология думает, что она в научном одеянии, как думал об этом некий король в одной из распространенных детских сказок...» [6; 244].

Приведу заключительные слова автора: «Психология есть психология, а не физиология, потому что она не может быть физиологией, а превращается во френологию, в лучшем случае остается

психологией, изложенной в терминах физиологии, психологией метафизической. Психология есть психология, потому что она должна быть психологией — таков категорический императив логики, науки, устанавливающей нормы должностования для всех наук» [6; 246]. В связи с утверждением: «Психология есть психология» вспоминается один эпизод (или легенда), которую рассказал М.Г. Ярошевский со слов Ю.А. Жданова, бывшего в сталинские времена заведующим отделом науки ЦК КПСС. Когда готовилась объединенная павловская сессия АН СССР и АМН СССР (1950 г.), Ю.А. Жданов, видимо, в качестве оправдания за свою либеральную попытку (в 1948 г.) защитить генетиков от Т.Д. Лысенко предложил И.В. Сталину «закрыть» психологическую науку в стране, на что услышал: «Насколько я помню, физиология — это физиология, а психология — это психология». Психологию спасла память бывшего семинариста духовного училища. (Это, видимо, один из редчайших случаев, когда его память послужила мирным целям.) Правда, спасение было относительным. Жаль, что фраза диктатора-выродка стала известна десятилетия спустя и не умерила агрессивный пыл в адрес психологии участников как во время сессии, так и особенно после нее. Если бы это случилось, то «Работа по психологии» Г.Г. Шпета сейчас была бы не столь актуальна.

Сегодня агрессия поубавилась, но амбиции, претензии и авансы сохранились и даже усилились, так как они подогреваются удивительным прогрессом в разработке технических средств исследования работы мозга. Приведу еще один, не столь давний эпизод, на сей раз рассказанный В.М. Муниповым, который стал свидетелем занятой беседы двух дам. Перед началом открытого заседания Совета науки о человеке (1989 г.) Н.П. Бехтерева просила Р.М. Горбачеву уговорить своего супруга — М.С. Горбачева, чтобы он помог приобрести для ее института томограф. В

качестве благодарности она обещала объяснить Михаилу Сергеевичу, как он мыслит. Томограф купили. Обеих дам уже нет на свете, а Михаил Сергеевич так и не узнал, как он мыслит.

Уже появилась позитронно-эмиссионная томография, функциональное магниторезонансное картирование мозга, а ничего путного о мышлении нейронаука не сказала (перефразируя И. Ильфа, можно сказать: у всех уже есть не только радио, но и мобильник, а счастья все равно нет). Но нейронаука не может отказаться от своих претензий и авансов и, по примеру И.П. Павлова, сказать, что «это другой случай». А то, что философия, логика, психология, культурная антропология знают об этом «случае», на это можно не обращать внимания. Они ведь узнали это без помощи физиологии. На нейропсихологические исследования А.Р. Лурии, его учеников и последователей тоже можно не обращать внимания. Ведь они изучают физиологические процессы как сопутствующие психическим, а не вместо них и не как их причину.

Выше говорилось, что я адресую этот текст, как и свою рекомендацию книги Г.Г. Шпета, психологам. У меня нет иллюзий, что она как-то может повлиять на мозговедов, взявшихся объяснить всю нашу душевную жизнь. Они не прислушались ни к антиредукционистским высказываниям замечательных физиологов, от Ч. Шеррингтона и А.А. Ухтомского до Н.А. Бернштейна, ни к психоаналитику З. Фрейду, покинувшему лабораторию мозга, где психология изучалась строго научно, ни к психологам Л.С. Выготскому и А.Р. Лурии, ни к гуманитариям-философам М.М. Бахтину, Э.В. Ильенкову, М.К. Мамардашвили. По аналогичному поводу М.И. Цветаева писала: «Грех не в темноте, а в нежелании света, не в непонимании, а в сопротивлении пониманию».

В заключение скажу несколько слов о личном. Когда я около 10 лет тому назад писал книгу о Г.Г. Шпете [2], мне прихо-

дилось доказывать, что он психолог. В «Работе по психологии» я встретил идентификацию автора с психологией [6; 242]. Независимо от имеющейся в ней критики физиологической психологии она представляет высокую самостоятельную ценность для всех, интересующихся подлинной психологией, ее действительным предметом, методом, ее философско-логическими корнями, культурой междисциплинарных связей. Особая прелесть «Работы по психологии» Г.Г. Шпета состоит в том, что в ней вполне уместно и оригинально используются понятия души и душевных явлений. Спустя два десятилетия после ее написания — в 1927 г. — в книге «Этническая психология» (опубликована в этом же томе «Избранных трудов...») он также использовал эти понятия и как бы в свое оправдание писал: «Я думаю, что к настоящему времени термин “душа” настолько уже очищен от метафизических пережитков, что им можно пользоваться, — в уверенности, что теперь и самые нервные особы умеют устоять против соблазнов навьево¹ очарования, — только усвоив термину некоторое положительное содержание вспомогательного для науки “рабочего” понятия — того, что физики называют “моделью”, сознавая нереальный, фиктивный смысл соответствующей “вещи”. Стоит только отрешиться от представления души как субстанции, чтобы тотчас отбросить и все гипотезы об ее роли, как субстанциального фактора в социальной жизни. То же относится к термину “дух”. Только при этом условии оба термина... могут толковаться как *субъект*... чего от “духа” требовал уже Гегель» [7; 419—420]. Думаю, что и психологам пора перестать испытывать ложный стыд, не уподобляться физиологическим психологам и, что еще хуже, не идентифицироваться с ними и восстановить понятия «душа» и «дух» в правах гражданства.

¹ Навьево — древнего, умершего (см. Словарь В.И. Даля). — *Примеч. ред.*

Р.С. Вышло так, что я в качестве примера современного исследования по физиологической психологии привел работу интересного психолога — Натальи Ивановны Чуприковой, с которой меня долгие десятилетия связывают добрые отношения, в том числе и сотрудничество в редколлегии журнала «Вопросы психологии». Я уверен, что в дискуссии с ней, которую я веду, опираясь на работу Г.Г. Шпета, Наталья Ивановна не усмотрит ничего личного. Мое расположение и уважение к ней было и остается неизменным.

1. *Бернштейн Н.А.* Современные искания в физиологии нервного процесса. М.: Смысл, 2003.

2. *Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000.
3. *Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю.* Формирование зрительного образа. М.: Изд-во МГУ, 1969.
4. *Соколов Е.Н.* Нейроны сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2. С. 3—13.
5. *Чуприкова Н.И.* Как вывести психологию внимания из теоретического тупика // *Вопросы психологии*. 2008. № 5. С. 13—30.
6. *Шпет Г.Г.* Работа по психологии // *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина*. М.: РОССПЭН, 2006. С. 141—247.
7. *Шпет Г.Г.* Этническая психология // *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина*. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417—501.

Поступила в редакцию 14.IV 2009 г.

ЭСТЕТИКА Г.Г. ШПЕТА И ЕГО КРИТИКА РУССКОГО ФУТУРИЗМА

М. ДЕНН

Дается интерпретация взглядов Г.Г. Шпета на эстетику, развиваемая им в разных работах. Исследуется способ критического анализа Г.Г. Шпета, рассматривающего вопросы искусства в неразрывной связи с психологией и философией. Обсуждается его творческая критика кантианства и неокантианства.

Ключевые слова: Г.Г. Шпет, эстетика, психологизм, эмпирическая психология, футуризм, И. Кант.

Труд «Проблемы современной эстетики», написанный в 1922 г., представляет собой краткое изложение взглядов Г.Г. Шпета на эстетику [2; 373—412]. Сформулированные в этом труде идеи взяты в основном из его работы «Эстетические фрагменты» [3; 345—474], написанной им в том же году, и истоки этих размышлений в области эстетики уже присутствуют в седьмой главе его книги «Явление и смысл», впервые опубликованной в 1914 г. [5]. К тем же самым

идеям, но излагая их в ином ракурсе, Г.Г. Шпет вернется в 1927 г. в своем труде «Внутренняя форма слова» [2; 49—260]. Однако в работе «Проблемы современной эстетики» Г.Г. Шпет излагает свои идеи, сопоставляя их с двумя, по его мнению, господствующими направлениями эстетической мысли современной ему эпохи. Делает он это, обращаясь к классической эстетике, в частности к эстетике И. Канта, одни аспекты которой он критикует, а другие принимает.